

САМАЯ
СТРАШНАЯ
КНИГА

2016

Составитель Парфенов М. С.

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
С17

Серия «Самая страшная книга»

Серийное оформление: *Юлия Межова*

В оформлении обложки использована иллюстрация
Владимира Гусакова

В книге использованы иллюстрации *Игоря Авильченко*

Составитель *Парфенов М. С.*

С17 **Самая** страшная книга: сборник рассказов.— Москва:
Издательство АСТ, 2016.— 510, [1] с.— (Самая страшная
книга).

ISBN 978-5-17-089560-1

ССК. Создай Свой Кошмар.

Главная хоррор-антология России. Уникальный проект, в котором захватывающие дух истории отбирают не «всеведущие знатоки», а обычные читатели — разного пола, возраста, с разными вкусами и предпочтениями в жанре.

ССК. Страх в Сердце Каждого.

Смелый литературный эксперимент, которому рукоплещут видные зарубежные авторы, куда мечтают попасть сотни писателей, а ценители мистики и ужасов выдвигают эти книги на всевозможные жанровые премии («хоррор года» по версии журнала «Мир Фантастики», «лучшая антология» по версии портала Фантастик, «выбор читателей» по версии портала Лайвлиб).

ССК. Серия Страшных Книг.

«Самая страшная книга 2016» открывает новый сезон: еще больше, еще лучше, еще страшнее!

Подписано в печать 11.01.16.

Формат 84 × 108^{1/32}. Усл. печ. л. 26,88.

Тираж экз. Заказ №

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 1; 953000 — книги, брошюры

© Авторы, текст, 2015
© Парфенов М. С., составление, 2015
© Владимир Гусаков, обложка, 2015
© Игорь Авильченко, иллюстрации, 2015
© ООО «Издательство АСТ», 2016

Самая страшная книга. Третий сезон

Беря эту книгу в руки, вы, возможно, опасаетесь, что в ней не найдется ничего пугающего... Но хочу вас уверить, что этот страх — беспочвенен.

Такими словами я завершал предисловие ко второму тому ежегодной хоррор-антологии «Самая страшная книга». С них начну и вступительную речь к третьей части... или, если угодно, третьему сезону нашего проекта.

Потому что это главное. И потому, что суть ССК ничуть не изменилась, даже если внешний вид наших новых книг претерпевает определенные метаморфозы (мы стараемся стать еще лучше и привлекательнее).

На страницах «Самой страшной книги 2016» вас, преданных поклонников жанра, и тех, кто с литературой ужасов только знакомится, вновь ожидает встреча с невообразимыми монстрами, отвратительными мутантами, маньяками и прочими «милейшими» созданиями. Здесь собраны пугающие образы, порожденные то ли пресловутой «больной фантазией», то ли самой преисподней.

Истории, которые вам предстоит прочитать, по-прежнему отбирал не умный дядечка-составитель, а целый коллектив читателей. Благодаря им (а также Господу Богу и матушке-природе, сделавшим нас всех такими непохожими, с разными вкусами и, что особенно важно для ССК, с разными фобиями), среди этих историй вы наверняка найдете немало таких, которые напугают лично вас.

За эти три года «Самая страшная книга», однако, стала чем-то гораздо большим, чем была изначально. В 2014 году мы были никому не известными дебютантами, от которых никто не ждал ничего особенного. В год 2016-й ССК вступает уже на правах главной жанровой антологии страны — книги, выхода которой с нетерпением ждут тысячи читателей. ССК породила целую серию (в прошлом году в ней вышли тома «13 маньяков» и «Хеллоуин»). Словами «от авторов проекта „Самая страшная книга“» издатель

рекламирует антологии, издающиеся в других сериях (последние на сегодня — «Темная сторона Сети» из серии «Городские легенды» и антология «Темные», с которой стартует новая серия в жанре dark fantasy). Русский хоррор уже сейчас стал заметным явлением.

И поэтому, наверное, в предисловии к очередному нашему ежегоднику стоит сказать несколько слов о настоящем и будущем как этой серии, так и жанра в целом. Куда мы идем, чего от нас ждать в ближайшее время.

В прошлом году мы расширили серию за счет выпуска двух тематических антологий, в этом же году надеемся порадовать вас уже и авторскими книгами. В каком-то смысле успех ССК поднял целую волну, настоящее цунами жанровых антологий: четыре книги вышло в нашей серии, три антологии с участием наших авторов выпущено в других сериях, активнее начали сейчас издавать и антологии зарубежных авторов хоррора. И все это за короткий промежуток времени с начала 2014 по начало 2016 года.

Мы могли бы почивать на лаврах и продолжать издавать один межавторский сборник за другим, благо эти книги пользуются спросом. Но это было бы не совсем правильно. Человек никогда бы не вышел в космос и не высадился на Луне, если бы люди удовлетворились тем, что вывели на орбиту несколько спутников, не так ли? Мы, конечно, не космические первопроходцы, но по-своему тоже творим историю — историю русскоязычной литературы ужасов. Мы делаем русский хоррор и не стыдимся этого. И в этом смысле антологии наши подобны спутникам: они открывают читателям новые имена, показывают палитру жанра во всем его многообразии. Но, чтобы заглянуть дальше и глубже, хоррору требуются книги отдельных авторов.

Нам хочется, чтобы серия «Самая страшная книга» стала для вас, наших читателей, определенным знаком качества, чтобы вы могли быть твердо уверены: если где и искать хорошую литературу ужасов на русском языке, то — в ССК.

Поэтому в 2016 году мы планируем выпустить не так много антологий (не более трех, я надеюсь), зато порадуем вас авторскими сборниками и, быть может, даже рома-

нами. Если в прошлом году в серии вышло три книги, то в будущем мы мечтаем довести число томов до шести—восьми в год. И, с вашей помощью, будем стараться выпускать книги нашей серии все большими тиражами, раз уж на складах издательства они не залеживаются.

...Ну а каков же будет «конец всей этой мерзости», спросит кто-то.

Думать о завершении проекта ССК нет никаких причин. Покуда вы покупаете наши книги, русский хоррор будет жить. Не для того сей кровожадный упырь выбрался из склепа под названием «неформат», чтобы тут же пасть обратно с осиновым колом в сердце.

«Самая страшная книга» открывает третий сезон. Читайте нас, обсуждайте нас. Обязательно заглядывайте на страничку «Готовится к изданию» — впереди вас ждет много интересного. До жути много прямо жуть как интересного. Хе-хе.

Парфенов М. С., автор идеи, организатор проекта

Николай Иванов

ДЛАКА

Небо над головой гудело, расплывалось свинцовыми чернилами и пожирало деревья огромными хлопьями снега, серыми, похожими на пепел. Они оседали в сухую прошлогоднюю траву и тонкой пленкой тянулись среди черных извилистых стволов и редких ледяных корок, оставшихся после сошедших сугробов. Скользивший над землей ветер проваливался сквозь оголенные шершавые ветки, еще не успевшие очнуться от зимней спячки, и мерно постукивал ими о сморщенную березовую кору.

Словно где-то там, среди деревьев, стоял маленький невидимый человечек с палочкой в руке, а один из стволов был его теряющимся в вышине барабаном. Дремавшие под землей корни слегка подрагивали в такт ударам и двигались из стороны в сторону, проверяя, согрелась ли земля после долгих морозных месяцев или вокруг — все та же заиндевелая мертвая паволока.

Андрейка поежился при мысли о невидимом человечке. Ему хотелось спрятаться от снежных хлопьев, круживших в воздухе, словно рой белых мокрых оводов, жалящих щеки и руки, залепляющих глаза холодными мутными крыльями. Но старая отцовская куртка не только пропускала ветер и снег — она была еще и на несколько размеров больше. Ее облупившиеся дерматиновые края касались коленей, и, как их ни застегни, все равно не спасешься от тянущегося снизу холода.

Думать о невидимом человечке было страшно: он сразу начинал мерещиться повсюду, куда ни посмотри. В конце концов, деревянные палочки торчат рядом с каждым пнем и каждым деревом. А что, если одна из них — его? Крадется к Андриюше, прячась за маревом сыплющегося пепла, остав-

ляет незаметные следы. Стоит палочке коснуться ботинка или штанины, и ноги сами собой расковыряют подошвы и поползут в мерзлую землю, а из рук проклонутся бурые ивовые прутья с распускающимися на кончиках пушинками.

И все-таки это было гораздо лучше, чем смотреть, как в двух шагах от него на потрескавшемся пне высотой в папин рост лежит черный медвежий череп.

«Стой здесь,— сказал папа.— Никуда не ходи. Я скоро вернусь».

Зачем они вообще сюда пошли, ничего не сказав деду с бабой? Взяли сумку для фотоаппарата, сказали, что хотят сфотографировать летящий через лес снег.

Андрейка точно знал, что фотоаппарат остался дома, в городе. Вместе с мамой, которая «век бы не знала эту глушь».

Первый раз в жизни Андрейка видел, как папа говорит неправду, да еще и так, что от правды не отличишь. Неужели он и до этого так делал?

Они шли через застрявшие в воздухе снежинки, осматриваясь по сторонам и внимательно разглядывая древесную кору. Кое-где на ней торчали клочки черной шерсти, стиснутые тяжелыми берестяными складками.

«Так-так-так,— шептал папа под нос.— Здесь у нас коготь нацарапан, значит, направо... Андрейка, ну-ка присмотришься, у тебя глаза поострее, нет ли где еще шерсти?»

Зачем кому-то вешать на деревья шерсть? Может, он запутывает маленького человечка или живущего в земле хранителя воды?

Хранителя воды Андрейка боялся больше всего, потому что каждый день спускал к нему в скважину насос «Ручеек» со вставленным в боковой раструб резиновым шлангом. Однажды хранителю надоест, что кто-то ворует его воду, он дернет веревку с той стороны трубы, и Андриюша упадет вниз вместе с насосом и летящими сверху кольцами шланга.

Мальчик тут же одернул себя и подпрыгнул: то ли от стоящего в лесу холода, то ли от того, что по его спине пробежали мурашки. Ага, как же, пролезет он в скважину, держи карман шире. Туда и насос-то с трудом проходит: стучается металлическими боками о стенки осадочной трубы.

Но если хранитель очень захочет... если он потянет изо всех сил...

И все же череп куда страшнее.

Когда папа увидел этот череп, его брови перестали хмуриться, и с той секунды он не произнес ни слова. Андрюша понимал: именно его папа и искал, высматривая среди деревьев черную шерсть.

«Стой здесь. Никуда не ходи. Я скоро вернусь».

Череп был облит потрескавшимся черным варом, а из его макушки торчала скрученная засохшая стружка, спускавшаяся вдоль пня до самой земли. Прилепленная сверху, словно застрявшее в смоле насекомое.

Огромные передние клыки сомкнуты. Пустые глазницы блестят от налипших внутри хлопьев весеннего снега. Будто бы живой. Будто бы с наступлением ночи из кости прорастут бурые волосинки, из горловины выползет шея, а вслед за нею и остальное тело.

Медвежья голова оторвется от пня и превратится в нового зверя.

И так день за днем.

Где-то впереди, за лежащим на пне черепом, папа нашел прорытую в земле дыру и полез в нее.

На его плече болталась сумка от фотоаппарата, и теперь Андрюша понял, что в ней станет лежать что-то другое.

Но разве можно брать с собою вещи из таких мест?

Череп смотрел на Андрюшу пустыми глазницами. Ветер шевелил его деревянные волосы. Мальчик видел такую стружку и раньше, на коньке дедушкиного амбара. Кажется, дедушка называл ее инао.

Неужели он тоже бывал здесь?

Когда из дыры в земле послышалось копошение, мальчик вздрогнул от неожиданности и тревожно стал глядеть на спрятавшийся в земле проем. Вот-вот оттуда покажется мохнатый хранитель воды, мокрый с ног до головы, измазанный синеватой подземной глиной. Из его когтистой лапы будет свисать оторванная папина голова, которая теперь станет лежать на пне вместо медвежьего черепа, ожидая новых путников, идущих через лес по оставленным на деревьях клочкам шерсти.

Андрейка закрыл глаза.

Шаг за шагом. Все ближе и ближе.

– Эй, сына, чего это ты зажмурился? В трех соснах потерялся?

– Ага, скажешь тоже... Где ты видишь сосны? Елки и березки одни.

Папа улыбнулся и потрепал его по голове. От рукава его куртки пахло сигаретами, а еще – холодом спрятанной в земле пещеры.

Сумка на плече раздулась, да так, что не могла застегнуться.

Из-под пластмассовых застежек свисал краешек шкуры. Черный, словно вар на медвежьем черепе.

– Пап, – вполголоса сказал Андрейка. – Унеси это обратно... оно же неспроста здесь положено. Пожалуйста. Я ничего не скажу бабе и деду.

Папа поднял голову и посмотрел вверх.

Хлопья снежного пепла колотили по его лицу, но он их совершенно не чувствовал. Гудящее небо молчаливо тащило спрятавшееся за облаками солнце на другой конец дня и не обращало внимания на человека, пришедшего туда, куда не следует приходить.

– Андрейка... вот как ты думаешь... если муха упала в банку с молоком... стоит ли ей шевелить лапками и лезть оттуда?

– Конечно. А вдруг получится.

– Вот и я так думаю, сына. Пойдем домой. Холодно же.

Взяв Андрейку за руку, папа зашагал прочь от укрытой в земле пещеры.

Где-то там, впереди, спрятались затерявшиеся в лесах деревенские домики, и в одном из них их ждали дед с бабой, накрыв на стол потрепанную скатерть и поставив на нее миску с пирогами и только-только вскипевший электрический чайник.

Вслед за ними оставались следы, едва заметные в тонкой пелене снежных хлопьев.

«Длака» – вертелось в голове забытое слово.

Медвежья шкура раскинулась на покрывале старой панцирной кровати, гладкая, блестящая, будто только-

только снятая со зверя. Волоски отливали темно-синим и были приятными на ощупь — мягкими, словно пакля.

Игорь смотрел на нее и сжимал в руке мобильный телефон.

Шероховатая пластмасса телефона напоминала хитиновый панцирь гигантского насекомого. Отвернешься, зазеваешься — и из черных боков вылезут длинные цепкие лапки. Сочащиеся ядом челюсти уцепятся за кожу, и тварь сунет голову в разрез на теле, заскрипит, полезет внутрь.

Мужчина тряхнул головой, поднялся со стула и посмотрел в окно.

Там все так же продолжал сыпать случайный весенний снег, словно насмехаясь над ним, забрасывая белыми лепестками спрятанную среди лесов могилу, в которую превратилась деревня. Сюда приезжали только старики — чтобы умереть. Потеряться в бесконечности мхов и сопок, словно сгнившие деревянные дощечки, на которых уже невозможно разглядеть названия поселков и рек.

Больше некому уносить в земляную пещеру раскиданные по лесу медвежьи кости и пропевать слова охотничьих песен. Охотники давным-давно вымерли, как и их великий скотий бог. Не у кого выпрашивать лосей и глухарей. Разъяренные реки перестали выходить из берегов. Плотины украли вчерашний день, переписали его строчками легенд, в правдивости которых начали сомневаться даже старожилы.

На кровати лежал последний осколок священного мира.

Один звонок — и его тоже не станет.

Вот бы как в детстве: загадал желание, написал на бумажке, положил под подушку — и ждешь. Оно обязательно исполнится. Не сегодня, так завтра. Лишь бы его услышал лес.

Лишь бы его услышала длака.

Игорь увидел, как открылась дверь уличного амбара, и оттуда показался Андрейка, опутанный кольцами резинового шланга толщиной с велосипедную камеру. В его руках лежал маленький водяной насос. Недовольно поглядев в запорошенный двор, мальчик зашагал по снежному крошеву к торчащей из земли скважине.

— Внучек, запахнись-ка курткой! — прокричала из амбара бабушка.— Взмерзнешь!

— Нормально все,— огрызнулся Андрейка.— Тепло мне. Игорь улыбнулся.

Старики кого хочешь достанут своей заботой.

— Куда ж тепло? Вон же носом швыркаешь!

— Как швыркаю, так и перестану.

Дверь в амбар хлопает еще раз, выпуская в белое марево два силуэта. Когда-то Игорь называл их папой и мамой, но теперь эти слова стали бесцветными. Дед Гриша и баба Галя. Обветшавшие, сморщенные, но глубоко внутри — крепкие, словно камни.

В голове проскользнула мысль о том, что это неправильно. Глупая, пустая, взятая из школьных учебников и звучащих по радио песен.

Игорь вспомнил, как несколько лет назад он возил бабу Галю в город, закупиться одеждой, резиновыми сапогами и пакетиками семян. Они ходили по колхозному рынку — так теперь назывались сколоченные под открытым небом прилавки на окраине — и подбирали деду рубашку.

«Покажите самые большие,— просила баба Галя.— Дед здоровый, что конь, все рветь... Нут-ка... Ий, милья, эта враз по спине разойдется. Побольше нет? Эх... вот же напасть. Все люди как люди, а мой что из лесу вышел. И как его земля держит?»

Продавщица недоверчиво качала головой. Наверное, думала про себя: «Вот бабка попалась вредная. Не бывает таких людей».

И действительно, людей — не бывает. Разве что старики. Кто их разберет: как живут, чем дышат, во что верят? Был человек, а потом будто кто-то подменяет его — и получается старик. Сидит на лавке, смотрит куда-то, и взгляд его проходит сквозь суету текущих дней, упирается в земляные комья истоптанной памяти. А за ними — пустота светящих с неба звезд.

— Уймись, старая,— крикнул дед Гриша с амбарного порога.— Что курица вьешь, тошно, ей-богу. Надо будет — сам додумается и тебя не спросит. Андрюша, внучек, мы до летней хаты пойдем, мал-малу приберемся. Как откачешь воды — подскакивай, подмогнешь.

Александр Подольский

НЕНУЖНЫЕ

Солнечный диск валился с неба и увязал в тучах, с минуты на минуту готовый столкнуться с линией горизонта. Юрка взглянул наверх и прибавил шагу. Погода испортилась в один миг, и угасающий день пытался уступить место ночи, пока не разразится гроза.

Перемахнув через гору бетонных плит за рядами гаражей, Юрка оказался перед тропинкой, что вела к железной дороге. Тут цивилизация и заканчивалась. Город оставался за спиной, а перед глазами вырастали бесконечные верхушки деревьев с тусклой листвой. Юрка взобрался по насыпи и зашагал вдоль пары рельсовых полосок. Добраться домой он мог и через вокзальную площадь, но там обычно полным-полно милиции, а встречаться с этими товарищами ему не хотелось. К тому же в последнее время на него стали недобро поглядывать местные бомжи. Лучше уж сделать крюк, чем лишний раз светиться. Закон улицы.

Слева от путей что-то звякнуло. Юрка повернул голову и уставился на ворону, которая терзала цветастый пакет.

— Кыш, засранка!

Спрыгнув с насыпи и спугнув птицу, Юрка распотрошил находку. Куриные кости и пустые банки из-под кильки — в сторону. А вот парочка вареных яиц и полдюжины картофелин попали по адресу. Достав из-за спины рюкзак, Юрка запахал туда дары поезда и отправился дальше. Дом был совсем близко.

Высокая трава подкрадывалась прямо к железной дороге. Юрка, по привычке оглядевшись вокруг, вошел в родные заросли и вновь посмотрел на небо. Мрачная завеса туч едва заметно сверкнула. Спустя пару секунд, когда

Юрка миновал первые ряды деревьев, за спиной послышался топот убегающего вдаль поезда.

Три деревянные стены и крыша — так выглядело Юркино жилище. Он понятия не имел, откуда взялась эта постройка на лесной опушке, да не сильно-то и любопытствовал. Возможно, ее использовали при работах на железной дороге, которая располагалась в паре сотен шагов отсюда, или же кто-то задумал развести огород, да так и не довел дело до конца. Какая теперь разница? Наткнувшись четыре месяца назад на этот сарайчик, Юрка сразу понял, что живут в нем одни пауки. С тех пор все изменилось. Прежде всего — эти самые жители.

На входе путников встречал бесцветный ковер, прибитый к верхней балке. Отодвинув дверь-занавеску, Юрка ступил на выложенные кое-как доски, призванные заменить нормальный пол. Внутри было тесно и темно, в стекло единственного окошка робко стучался дождь.

— Вернулся наконец-то? — сквозь кашель проговорил Алик из вороха курток в углу.

— Ага. И не с пустыми руками! Вылезай из своего кокона, хватит болеть. Где Мелкий?

— За водой ушел.

— Так поздно? — удивился Юрка. — Ты опять все выхлебал?

Поднявшись с матраса, Алик приковывался к пластмассовому столу и присел рядом с ним на скамейку.

— Отвали, у меня горло болит.

— Ладно, хрен с тобой, температурщик. Гляди-ка сюда!

Юрка стал выкладывать содержимое рюкзака на стол, с удовольствием замечая, как на бледном лице друга появляется улыбка.

— Погоди, чего мы в темнотище сидим, — прогнусавил Алик, доставая из-под стола лампу, слепленную из свечки и двухлитровой пластиковой бутылки. Взмах спичкой, словно волшебной палочкой, — и в домике стало гораздо светлее.

Выход в город получился довольно удачным. Юрка притащил с собой три батона хлеба, пакетик майонеза, конфеты, слегка обветренные огурцы с помидорами и пять супов быстрого приготовления. И это не считая

выпавших из поезда продуктов. Что-то удалось добыть по прощайничеству, что-то лежало без присмотра. Для полного счастья не хватало только мяса.

— Отлично,— сказал Алик, пытаясь сдержать кашель.— Что с ментами? Цеплялись?

— Не-а, тишина.

На крыше во всю силу заплескал дождь, выстукивая странную мелодию на сворованных со станции пластах шифера.

— Ну все,— сказал Юрка.— Мелкий попал.

— Этот придурок и куртку-то не надел. Будет знать в следующий раз.

Юрка бросил пустой рюкзак в угол и стал что-то высматривать под столом.

— Опа, а говорил, кончилась вода.— Он достал пластиковую бутылку, в которой плескалось литра полтора.— На чайник хватит.

— Все равно надо еще, а я бы точно никуда не поперся.

— Ну да, старик ты немощный. Ладно, пойдем пока хоть воды вскипятим.

Алик кивнул, утерев нос рукавом свитера. Прихватив все необходимое и накинув куртки, мальчишки выскочили наружу. Небо встретило их очередным раскатом грома.

Широкие ветви кленов были неплохой защитой от дождя. Обложенное кирпичами кострище с радостью приняло охапку веток, и вскоре к шуму листвы добавился треск хвороста. Полетевшие к небу искры подхватывал ветер и уносил в лесное царство.

— Темнеет все раньше,— задумчиво произнес Алик.

— Ага. Пара фонарей нам бы тут не помешала.

— И печка тоже.

— Микроволновая?

Алик улыбнулся, но на вопрос отвечать не стал.

— Хорошо сидим,— с легкой грустью сказал Юрка, доставая очередную ветку из-под брезентового укрытия у дерева. Он понимал, что совсем скоро наступят холода и придется искать новое место жительства. Опять переселяться в подвалы, подьезды, поближе к трубам теплотрасс.

— Не то слово — как на курорте. Только бревна задницу натирают.

Юрка отвернулся от дыма и посмотрел на лес.

— Что-то долго Мелкий ходит.

— Тормоз он. Вот и все дела.

Вдалеке загудел поезд, послышался стук колес. За чернеющими прямо перед костром стволами деревьев что-то хрустнуло. Затем еще раз. Юрка заметил, как Алик притянул поближе обгорелый черенок лопаты, которым они мешали угли.

Из леса в освещенный круг выскочил Пират и тут же, отряхиваясь, обдал мальчишек холодными брызгами.

— Ёфу, собачатина, опять ты здесь шныряешь! — беззлобно пробурчал Алик.

— А ты кого дубиной встречать хотел?

— Да мало ли.

Юрка все понял без лишних объяснений. Почесав черную шкуру Пирата, которому дали такое имя за отсутствие одного глаза, он бросил пару веток в огонь.

Пират деловито обошел импровизированную кухню и, не найдя ничего интересного, развалился в ногах у Алика. Увязавшись за Мелким две недели назад, пес хорошо запомнил путь к жилищу троих беспризорников и теперь навещался сюда несколько раз в день. Иногда даже помогал собирать хворост, за что получал премию в виде куска хлеба.

— Знаешь, у меня уже третий день какое-то хреновое предчувствие,— вдруг заговорил Алик, глядя в догорающие перекрестья палок.— Позавчера я поздно возвращался с огородов и...— Он помолчал.— И увидел на железной дороге человека. Он никуда не шел, просто стоял. И куда смотрел — непонятно. Но у меня мурашки сами по спине побежали.

— И что? Только не начинай опять про черного бродягу или еще кого.

Алик хмуро ковырялся огрызком деревяшки в раскаленных угольках. Пламя заглатывало березовые кости.

— И вообще,— продолжал Юрка,— завязывай общаться с той компашкой городской. Они же наркоманы конечные, еще не такие бредни рассказать могут.

— Сюда я их не приведу, не боись. Просто иногда просто толпой по тому же рынку побродить, так нас никто из азеров не сцапает.

По небу словно чиркнули огромной спичкой, и черное полотнище вспыхнуло трещинами молний. Проснувшийся ветер пробежался по лесу, вороша мокрую листву. В кронах деревьев под грохот небес хлоптели птички крыльями.

— Они, может, и наркоманы,— не унимался Алик,— но своих вроде не бросают. И то, что двое вдруг куда-то подевались, меня совсем не радует. Тем более что пропали они неподалеку от железки.

Юрка не знал, что сказать. Он и сам слышал эти истории, но значения им не придавал. Прожив столько лет на улице, он повидал вещи и пострашнее, чем внезапное исчезновение парочки беспризорников. Верить рассказам о непонятном типе, который поселился в районе путей, Юрка не собирался. Одни говорили о психе, возмнившем себя электричкой, другие о призраке и маньяке, третьи чуть ли не о демоне — пожирателе детей. Подозрительных бредней хватало, но если у железки кто и жил, так обычный бедолага без крыши над головой.

Тем временем чернильные лапы сумрака медленно подбирались к костру. Вокруг все проваливалось в темноту. Дождь немного утихомирился, но безлунное хмурое небо подсказывало, что запас воды еще не исчерпан.

Юрка сбил угли в одну кучу и взгромоздил сверху металлический чайник с кривым носиком. В парящем над костром облаке дыма засуетились пепельные снежинки. Огненные блики прыгали по нарисованным на чайнике цветам, а в железных внутренностях плескалась вода.

— Что-то совсем он заблудился,— чихнув в ладошку, сказал Алик, прерывая мерный сап Пирата.

— Я схожу, прогуляюсь,— буркнул Юрка.— Спокойнее будет.

— Мысль хреновая.

— Нормальная. Пока лить перестало. Может, Мелкий нашел что.

— Ага, приключения он нашел,— сказал Алик, вытирая сопли о траву.

— Хватит ныть уже, гундосый. Ты за главного, сооруди что-нибудь пожрать. Мы скоро вернемся.— Юрка поднялся и накинул капюшон.— И призраков никаких без нас не лови тут.

В ответ Юрка получил только кривую усмешку и поднятый вверх средний палец. Улыбнувшись, он отвернулся от костра и двинулся прямо в размазанную по ночному пейзажу лесную пасть.

Глаза быстро привыкли к темноте. Теперь среди частокола древесных стволов можно было разглядеть просветы. Юрка смело шагал вперед по хлопающей траве, изредка отмахиваясь от веток. Ноги знали дорогу не хуже его самого. Ночью тут легко можно заблудиться, но только не тому, кто много раз прошел лес вдоль и поперек. По крайней мере тот его кусочек, что опоясывал хижину.

Садоводческое товарищество находилось примерно в двух километрах от пристанища мальчишек и тянулось до самого озера. Этот рассадник крошечных домиков делился надвое узкой, накатанной машинами дорогой, обрывающейся в кукурузном поле. Второй ее конец пропадал где-то за станцией. Расстояния были не самые большие, и ребята быстро научились бродить тут по своим делам, не привлекая внимания. Все укромные пути и лазейки давно были изведаны.

Среди шороха листвы Юрка вдруг разобрал шепот. Едва различимое бормотание шло сзади, растворяясь в ветряных вихрях. Он резко обернулся — и ничего не увидел. Привычные деревья да пни с корягами. Легкая дрожь пробежала по телу, заставляя вспомнить слова Алика. Что-то в пейзаже было не так. Шагнув вперед, Юрка боковым зрением заметил, как одна из высоких теней медленно передвигается. Остаток пути он преодолел бегом.

Когда практически невидимая тропинка окончательно растворилась во мраке, впереди послышался крик. Юрка остановился, увидев пару выглядывающих из темноты желтых глаз. Свет шел с дороги. Там гремели мужские голоса, рычал мотор, перед фарами мелькали черные силуэты.

— Эй, говно! Я же тебя поймаю и голову оторву!

Внутри у Юрки все похолодело, сжалось. Он замер на месте, стараясь слиться со мхом на дереве.

— Да нету его здесь,— говорил второй.— Или ты собрался всю ночь по лесам лазить, как обдолбавшийся медведь?

— Завали хлебало! Не мог этот оборванный сморчок так быстро свалить.

Владимир Кузнецов ТЕТРАГРАММАТОН

Густаву Майринку, Мастеру слова и смысла

Слышишь, я хочу успеть
В эту полночь защиты от холода внешних миров
Отделить и отдалить хотя б на время смерть
От того, что неведомо мне и зовется Любовь.
Дай мне ладонь, скажи мне, что я здесь,—
Прикоснись, скажи мне, что я есть.

Сергей Калугин

Негромко скрипнули дверные петли. В помещение, тесное и сумрачное, проник луч слабого света. Он скользнул по загадочному внутреннему убранству, множеству сложных механических частей из меди, дерева и стали. Затем, впустив кого-то, дверь закрылась, сухо шелкнув пружинным замком. И стало заметно, что темнота не безраздельно царит в этом месте — в дальнем углу мастерской теплился огонек электрической лампы, желто-оранжевый и пульсирующий.

Он освещал большой верстак, густо заставленный множеством деталей и инструментов. Над верстаком сгорбился человек, неотрывно глядевший в закрепленное на штативе увеличительное стекло чуть не с тарелку размером. Руки его под этим стеклом занимались сборкой удивительно тонкого узла, составленного из кулачков, поршневых толкателей и спиральной пружины. Работа была кропотливой и поглощала человека целиком.

Скрытый темнотой гость осторожно продвигался среди многочисленных полок и стенов. Предметы на них

подозрительно походили на людские конечности, хирургически аккуратно отделенные и разложенные по местам, как на экспозиции. В мастерской витала режущая обоняние смесь ароматов: смазка и припой, медь и канифоль, марганец и уксус. Доски пола хрустели от рассыпанной по ним окалины. Гостя — в слабом свете лампы наконец стало видно, что это женщина, — одновременно старалась и ничего не задеть, и привлечь внимание хозяина мастерской. Но тот даже на секунду не оторвался от своей работы.

Она приблизилась к нему почти вплотную, остановившись у большого застекленного шкафа, на полках которого были выстроены небольшие фигурки, мужские и женские. Рассмотреть их в деталях не позволял слабый свет. Женщина негромко кашлянула, потом, подождав, кашлянула еще раз.

— Можете не стараться, — прозвучал из темноты голос, заставив гостью вздрогнуть. Он исходил из укрытого густой тенью угла, куда совершенно не попадал свет лампы. До этого момента женщина даже не подозревала, что там кто-то есть.

— Наш майстер Цвак последние годы стал туговат на ухо, — продолжал голос невозмутимо. — Одним только деликатным покашливанием его не дозваться. Особенно когда он занят работой.

Человек за верстаком, вздрогнув, оторвался от увеличительного стекла.

— В чем дело, Шафранек? Вы что-то сказали, кажется?

— Чтобы именно сказал — так, пожалуй, что нет. У нас гостя, майстер Цвак.

— Гостя? — Названный Цваком обернулся.

Он был уже совсем стар. Седые волосы редкими локонами спадали ему на плечи, темя же было совершенно лысым, как тонзура доминиканца. Морщинистое лицо с длинным, почти касающимся подбородка носом напоминало печеное яблоко и формой, и цветом. Только щеки удивительным образом сохранили гладкость и румянец, словно у ребенка. Бледные полуслепые глаза белесо блестели в отвесах лампы.

— А-а, вот как! — произнес он, улыбнувшись ртом, в котором уже почти не было зубов. — Милое дитя... что при-

вело вас в скромную мастерскую кукольника Иехуды бен Цвака?

Женщина порывисто шагнула вперед, в освещенный лампой круг. Теперь можно было разглядеть ее подробнее. Она была еще молода, кажется едва старше тридцати. Одежда на ней была дорогой, кожа и волосы – ухоженными. Глаза же были воспалены от слез, а лицо выражало неуверенность и страх. Страх на грани отчаяния. Улыбка сошла с лица кукольника.

– Я пришла...– запнувшись, начала гостья,– я пришла потому... Мне сказали...

Она была на грани. Цвак поспешно раскрыл один из ящиков над верстаком, достав оттуда початую бутылку и небольшую чарку. Сноровисто раскупорил бутылку, налил, протянул чарку женщине. Та машинально взяла, но потом замерла, глядя на угощение застывшим, недоуменным взглядом.

– Выпейте,– миролюбиво предложил кукольник.

Вздвигнув, женщина резко опорожнила чарку и, поморщившись, прижала губы ладонью. И все же выпитое подействовало на нее благотворно. Она начала снова:

– Меня зовут Ангелика Чернова. Многоуважаемый майстер Цвак, я пришла к вам с просьбой – нет, с отчаянной мольбой о помощи.

– О помощи? – Кукольник удивленно приподнял седую бровь. – Но какую же помощь вам могу оказать я, человек старый и немощный?

Неизвестный в темном углу фыркнул. Женщина упрямо мотнула головой, словно стараясь отогнать снедавшие ее сомнения.

– У меня пропала дочь, майстер Цвак. Ее зовут Анежка, и ей двенадцать лет.

– В таком случае вам надо обратиться в полицию,– спокойно заметил старый кукольник.

Женщина вновь упрямо мотнула головой:

– Я так и поступила, но они ничего не делают. И не сделают. Я уверена. Майстер Цвак, вы один можете мне помочь. Смотрите!

Она решительно шагнула к верстаку, достав из сумочки аккуратную тетрадь в синей обложке. Раскрыв, положила

ее под лампу, так что стал виден сделанный карандашом грубый рисунок – странный символ, состоящий словно из нескольких фигур: треугольника, креста и серпа. Кукольник некоторое время задумчиво разглядывал его.

– Это появилось на стене в комнате Анежки. В ту ночь, когда она пропала.

В мастерской стало тихо. Только слышно было, точно сквозь стену, металлическое жужжание какого-то механизма. Цвак поднял бледные, прозрачные глаза на женщину, прищурился.

– И как давно пропала ваша дочь, милая Ангелика?

– Два дня назад.

Цвак медленно отвернулся, сокрушенно покачал головой:

– У вас больше нет дочери.

Отчаяние проступило на лице женщины. Губы ее задрожали, она застыла, напряженная, потом, упав на колени, вцепилась в рукав старика:

– Нет! Не говорите так, майстер Цвак! Она жива, жива! Помогите найти ее, прошу вас! Умоляю!

– Тише,– старик коснулся своей тонкой, морщинистой ладонью головы Ангелики: – Тише.

Это не могло успокоить женщину. Она рыдала, с силой сжав твердый подлокотник кресла, за которым сидел кукольник.

– Помогите ей, Цвак,– прозвучал из темноты голос. – Разве часто просьбы, которые вы исполняете, столь же чисты и праведны?

– Вам, Шафранек, оттуда не видно, что принесла с собой эта дама. Это Золотой Знак! И прошло уже две ночи!

– Но еще не прошла третья,– заметил неизвестный, названный Шафранеком.

Цвак недовольно поморщился, затем осторожно погладил Ангелику по голове:

– Успокойтесь, дитя мое. Поднимитесь. Я помогу вам.

Женщина медленно подняла голову, впери в кукольника полный опасения и надежды взгляд. Тот пожевал губами. Недовольная гримаса все еще не оставила его лица.

– Но прежде я хочу, чтобы вы четко осознавали, на что идете.

– Я...

– Помолчите, – лицо кукольника сделалось суровым. – Прежде всего, шанс того, что ваша дочь все еще... что ее все еще можно спасти, – крайне мал. Если бы вы пришли сюда завтра, его бы не было вовсе. Три ночи – самый долгий срок. Но большинство не переживает и первой из этих ночей. Помните и, вместо тщетной надежды, уже сейчас готовьте себя к худшему.

Побледнев, Ангелика кивнула. Кукольник продолжил:

– Приходом сюда ваш труд не окончится. Вам придется самой участвовать в поиске. И поиск этот может быть наполнен событиями и вещами... невообразимо жуткими для человеческого сознания. Так что для вас концом пути может стать безумие или даже смерть. Готовы ли вы на это?

Сомнение на миг овладело женщиной. Она в замешательстве глядела на собеседника, словно ожидая разъяснений. Но Цвак молчал. Потому согласие Ангелики прозвучало вынужденно:

– Готова.

– И последнее, самое важное, – произнес Цвак, поднимаясь. – Анежка – ваша родная дочь?

– Что? – Вопрос почему-то смутил женщину. – Что вы хотите сказать?

– Я ничего не хочу сказать, пани Чернова. Я лишь хочу знать, течет ли в ее жилах ваша кровь.

– Да, да, конечно, – поспешно закивала Ангелика. – Анежка – моя. Плоть от плоти.

Цвак некоторое время с прищуром смотрел на нее, потом кивнул:

– Хорошо. Встаньте теперь и подойдите к шкафу.

Он взял с верстака подсвечник и, чиркнув спичкой, зажег на нем огарок свечи. Подойдя к стеклянной дверце шкафа, осветил его содержимое. На полках стояло двенадцать кукол, мужских и женских, каждая высотой около фута. Даже сквозь страх и беспокойство Ангелика поразились тонкости работы. В неясном свете свечи они казались почти живыми.

– Выберите ту, что вам больше всего по душе, – предложил Цвак.

Ангелика удивленно посмотрела на него.

– Но я...

Цвак покачал головой:

– Не спорьте и не удивляйтесь. Просто посмотрите и выберите одну. Только ту, которая вам действительно нравится.

Ангелика повернулась к шкафу. За стеклом, слегка запыленным и помутневшим от времени, стояли куклы. Очень разные, все же они казались в чем-то несомненно похожими, как бывают похожи между собой представители одной семьи, долго живущие вместе.

Низкорослый толстячок в брюках с широкими подтяжками, в серой рубашке и жилете, с котелком на голове. Девушка, хрупкая, в пышном парчовом платье и чепце, в тончайших, как паутинка, перчатках на тонких ручках. Болезненно худой юноша в пальто, надетом на голое тело, и рваных брюках, со студенческой фуражкой, сдвинутой на затылок. Старик с клюкой в жутких лохмотьях, свисающих лоскутами, с клочковатой бородой до пояса. Рослый парень в старинной драгунской форме с лихо закрученными пшеничными усами. Еще один, худощавый, в сером плаще с пелериной и старомодной австрийской треуголке. Под плащом был длинный, до середины бедер сюртук, глухо застегнутый сверху донизу тусклыми металлическими пуговицами. Юноша опирался на длинную, массивную трость. Брюки были заправлены в высокие, до колен, сапоги. Ангелика с удивлением поняла, что его одного она рассматривала не как куклу, а как живого человека. Нет, он не нравился ей – было в нем что-то пугающее. Она хотела выбрать девушку, но, посмотрев на нее во второй раз, поняла, что фигурка не вызывает в ней никакого отклика.

– Выбрали? – поинтересовался Цвак, безошибочно распознав ее состояние.

Ангелика кивнула:

– Да. Вот этот.

– Хорошо.

Кукольник задул свечу и вернулся к верстаку. Аккуратно поставив подсвечник на старое место, он обернулся к темному углу, где прятался незримый третий участник их разговора:

– Вы можете выходить, Шафранек. Ваш час настал.

Ярослав Землянухин ДОРОГА НА ХАРБИН

Утром спустился туман. Накануне выпал снег, и теперь он лежал грязными хлопьями на ветках и обочине. Нет, снег тут не шел ни в какое сравнение с тем, который выпал на родине. Где этот искрящийся под солнцем белоснежный покров?!

Даже в четырех верстах от Харбина все было покрыто пеплом. Ветер приносил его с китайской части города и окрестных селений. Пепел медленно сыпал вокруг, забивался в нос, оседал на одежду.

Евгений Кириллович, некогда большой пушистый котяра, сидел рядом с баракком. Он уже давно стал похож на бездомного. Шерсть его свалаялась и покрылась грязными разводами. Вместо того чтобы гордо красоваться, он почти все время прятался по щелям, где безуспешно пытался привести себя в порядок.

У входа в барак стояли двое. Первым был маленький китаец, прозванный Матвеем, так плотно закутанный в теплую одежду, что между ушанкой и шарфом виднелся лишь нос в синих прожилках. Раньше служил он у фельдшера Крюкова, а после того, как фельдшера увезли в обсервацию, китаец остался сам по себе. Крюков не вернулся. Так как Матвей не выходил в город, то ему позволили оставаться на территории пункта и заниматься черной работой.

— Знаю, что будет приворовывать, — говорил в свое время про китаеца Даниил Кириллович, разглядывая того поверх пенсне, — но вот куда его? В город? Нельзя. В лес? Пропадет.

Хотя братья на территории пункта было нечего. Разве только спирт да морфий. А прожилки на носу старого китаеца выдавали его пристрастия с головой.

Второй — санитар Иван Дмитриевич — был почти полной противоположностью Матвею: крупный, с пышными усами и аккуратно постриженными бакенбардами. К водке пристрастия он не имел, был вежлив, обходителен и всеми любим. В молодости был унтер-офицером и стал санитаром по идейным соображениям. Среди своих Иван Дмитриевич считался высоким, а среди малорослых китайцев — так и вообще великаном.

Поначалу младший персонал пытались набирать в ночлежках среди безработных, но дисциплину среди них поддерживать не получалось. Тогда в санитары стали вербовать местных китайцев.

Иван Дмитриевич курил.

— Слышали, балин, как ночью за лесом свелкало? — Матвей махнул в сторону, где из тумана проглядывались верхушки деревьев.

— Что там может сверкать? — ответил санитар густым басом и пожевал папиросу. — Фанзы, видать, жгут.

— Нет, — старый китаец прищурился, — когда жгут — так не свелкает.

Нос над шарфом пошевелился, и Матвей добавил:

— И не взывает.

Иван Дмитриевич не услышал эти слова, он отбросил папиросу и прогудел:

— Пора уже. Кистер на чуму собирается.

Чума зародилась в степях. Ее первыми жертвами стали охотники на тарбаганов — монгольских сусликов. Ураганом налетала она на поселения кочевников, кружила и опустошала все на своем пути.

Вскоре эпидемия добралась до Китайской Восточной железной дороги и заструилась вдоль селений. Она набирала силу, и вот уже черная густая река неслась на юго-восток, вытягивала отростки и забирала все больше душ.

В доме железнодорожника Комарова при поселке Маньчжурия было зарегистрировано два летальных исхода. На следующий день черная смерть пришла в Харбин.

Распространению чумы способствовали безграмотность, поголовная бедность и нечистоплотность населения. Российская империя первой предложила помощь в

борьбе с заразой. Несмотря на то что китайские власти опасались усиления российского присутствия, они были вынуждены согласиться. В Харбин прибыл опытный бактериолог профессор Заболотный Даниил Константинович.

За шесть веков, прошедших с тех пор, как эпидемия красной смерти бушевала в Европе, методы лечения существенно изменились. Уже не прижигали бубоны раскаленным железом — вакцина от бубонной чумы была успешно опробована Владимиром Хавкиным. Жуткие одеяния, превращавшие врачей в человекоподобных птиц, сменились на плотные костюмы. Но даже современная медицина была бессильна против легочной формы чумы, охватившей Маньчжурию. Китайский Харбин оказался в карантине.

Вчера телеги носились до города и обратно весь день, раз шестьдесят съездили, не меньше, дорога — в кашу. За ночь морозец ударил и хлябь застыла. Лошади спотыкались, телегу трясло и постоянно заваливало.

Кистер отвел взгляд от серого харбинского пейзажа — сейчас они проезжали мимо ряда убогих покосившихся фанз. Грустно. Грустно и безысходно в этом бесцветном краю, даже подступающая весна не смогла добавить новых красок. Снова колесо налетело на замерзшую колдобину, от толчка пенсне слетело с носа.

Николай Алексеевич Кистер был высок, статен, обладал изящными чертами лица, но, несмотря на то что женщины считали его привлекательным, к своим тридцати годам постоянной спутницы не имел. Улыбался он мало и большую часть времени был погружен в себя. С раннего детства он проявлял способности к биологическим наукам. Его родители, однако, относились к этому как к развлечению. Отец, Алексей Васильевич Кистер, коллежский асессор, готовил ему карьеру при дворе, но юный Коля выбрал другой путь.

— Буду медиком, — радостно сообщил он с порога, — поступил!

Сам хорош! Кепка на затылке, волосы взъерошенные, красный как рак, бежал видать. Мать всплеснула руками, и белая шаль соскользнула с плеч.

— Как же так, Коленька!

— Во-о-он! Во-о-он из моего дома! — закричал отец. В руках его были две половинки разорванной в ярости газеты.

С тех пор Кистер родителей не видел. Отец ему даже не писал, лишь мать тайком высылала деньги. После окончания медицинского института Кистер работал по всей России в качестве эпидемиолога. Когда чума пришла в Маньчжурию, он отправился туда одним из первых.

В повозке ехал еще один человек — китаец-переводчик Ван Ши. Совсем молодой еще, только из университета. Видно было, что страшно ему, вон как пальцы дрожат. Не от утреннего холода дрожат. У него внутри так все напряженно сейчас, что он этого холода даже не чувствует. Ничего, привыкнет. Парень крепкий и умный, далеко пойдет. Интересно, откуда у него этот уродливый шрам, что пересекал половину лица от уголка рта до уха?

— Притон там, — наконец произнес переводчик, — опиум курят. От опиума спят все.

— Этим полиция должна заниматься, — ответил Кистер, — наша задача — выявить симптомы и изолировать.

— Полиция даже не заглядывает туда! Как чума пришла, так они заболеть боятся.

— А что же те, кто туда ходит? Они не боятся чумы?

— Не-е-ет, они думают, что это проклятие демонов. Карантин! Гигиена! Тьфу! Даже таких слов не знают! Да и если бы знали, то все равно пошли. Они без опиума так мучаются, что демону душу заложат.

Телега опять подпрыгнула на ледяном ухабе, и пенсне Кистера слетело во второй раз.

— Бедные, бедные люди, — с грустью покачал головой Ван Ши.

— Подъезжаем! — крикнул снаружи кучер.

Внутри они вошли одетыми в плотные плащи, с капюшонами на головах, в масках, закрывающих лица так, что для глаз оставался лишь узкий, в палец шириной, просвет. В притоне царил полутьма. Под низким потолком висел густой дым. Светлячки трубок вспыхивали и медленно угасали в глубине помещения. Никому не было дела до вошедших, не слышались голоса — только потрескивание светлячков и медленные вдохи. В густом чаду появился хо-

зяин, лысый китаец со сморщенным, как у обезьяны лицом. Он был напуган, руки подобострастно сложены на груди.

— Спроси его, есть зараженные? — обратился Кистер к переводчику.

В ответ китаец энергично замотал головой. Он отвечал очень быстро, ему явно хотелось, чтобы эти люди ушли из притона. В темноте послышался кашель.

— Всех необходимо проверить, — кивнул фельдшерам Кистер.

Несмотря на робкие протесты хозяина, медики начали работу.

— Куда прешь?! А ну назад! — раздался голос Семена, санитаря, что остался дежурить у входа. Он встал неприступной крепостью и не пропускал китайца. Тот был бос, из одежды на нем оставались только рваные штаны, и в таком виде он пытался протаранить лбом Семена и вырваться на морозный воздух.

— Николалексеич, что с этим-то делать?! — заревел санитар. — А то он прет и прет, как баран!

В этот момент китаец зашелся кашлем. Несколько капель мокроты прилетело Кистеру на рукав. Густой мокроты с красными прожилками.

— В телегу его. В барак поедет.

Переводчик что-то начал объяснять «барану». Тот прекратил попытки вырваться и стоял, пошатываясь. Глаза его были пусты. Конечно, на чумном пункте будут проведены дополнительные анализы, но и без них ясно, что зараза уже давно живет в нем. И проведет этот любитель опиума остаток дней в вагоне-теплушке, каких много было оборудовано рядом с пунктом. Никто из больных еще не выходил оттуда сам. Из полутьмы появился Иван Дмитриевич.

— Николай Алексеевич. Там погреб. Вам самим посмотреть надо.

Люк в полу был открыт. Внизу громоздились кучи какого-то тряпья и гнилых овощей. Трухлявые, торчащие из стены доски так и норовили зацепить одежду.

— Вот тут, — Иван Дмитриевич поднес фонарь.

Кистеру довелось видеть много трупов здесь, в Маньчжурии. Многие были куда менее приглядными, чем этот.

Рука в перчатке скользнула по плотной ткани капюшона. Привычка взъерошивать волосы появилась еще в юности. От волнения Коля всегда бессознательно запускал пятерню в шевелюру. Сейчас из-за защитного костюма это было сделать сложно.

Китаец. Возраст неопределенный. Курильщики опиума стареют быстро. Рваная рана от груди до паха. Но причиной волнения стало не это, а отталкивающее, пугающее выражение бесконечной муки на лице. Будто нечеловеческая боль раздирала китайца изнутри прежде, чем разорвать его тело и выбраться наружу.

— Куда его? — тихо спросил Иван Дмитриевич.

— Давайте к нам. Возьмем анализ. Надо понять, чумной или нет. Потом посмотрим.

Запись в дневнике Кистера от 1 марта 1911 года

Сегодня в погребе фанзы нашли труп. Рваная рана от мечевидного отфростка до паха. Но испугало не это, а его лицо. Какие же страдания пришлось испытать ему перед смертью?! Подобного за всю практику я еще не видел. Не сразу сообразил, куда его, в полицию или к нам. Если заразен, то наш. Уже не раз находили трупы зараженных с отрезанными головами и иными увечьями. Невежественные крестьяне полагают, что таким образом ограждают себя от чумы. Отрубают демону голову. Бедные неграмотные люди! Так они лишь больше контактируют с заразой! Полиция это знает и не берется за такие дела. Сейчас у них и так хлопот предостаточно. Но анализ показал, что этот был здоров! А значит — убийство. Завтра передадим труп властям. Дезотряд позаботится о притоне.

Господи, как же хочется, чтобы это все скорее закончилось, пройти это и вспоминать как долгий страшный сон! А потом в Италию! В Неаполь!

Порой я думаю, не зря ли все это? Мы уже потеряли двух врачей, двух фельдшеров и бесчисленное множество санитаров. Как же страшно думать о смерти! О своей, о чужой — все одно страшно. Гнать! Гнать от себя эти мысли! Если не мы, то кто?

Запись в дневнике Кистера от 5 марта 1911 года

Третьего дня сигнал был из пригорода. Прибыли, а там русские, из железнодорожников. Сам хозяин на топчане лежит,

Дмитрий Тихонов

ГАРЬ

Opens I mouth, for make noise in I's hurt, and say of
fire is come through I, and rise, with grits of bright, in
neath of old black sky.

*Alan Moore. Voice of the Fire*¹

Старуха сидела в красном углу, прямо под образами. Впрочем, это только в первые несколько мгновений показала она Игнату старухой. Когда глаза его привыкли к полумраку, стало ясно, что до старости ей еще далеко, — обычная средних лет баба, неприятно полная и рано поседевшая, облаченная в грязную исподнюю рубаху и не менее грязную душегрейку. Она взгромоздилась на лавку с ногами, опустила голову меж коленей и смотрела на вошедших мутными глазами, по-совиному круглыми и пустыми.

Дед тоже не сводил взгляда с кликуши. Он стоял посреди горницы, ссутулившись, как обычно, чуть наклонив голову набок. Не было в его позе ни малейшего напряжения — так человек изучает пусть и важную, но привычную, рутинную работу, которую предстоит сделать: дыру, например, в крыше залатать или сено в стог собрать. Неспешно оценивает, обдумывает, примеривается, с какого края сподручнее подступиться.

Сам Игнат, конечно, боялся. Хоть и думалось прежде, будто после того, что довелось увидеть в старой церквушке на берегу возле Работок, страху куда сложнее станет находить дорогу в его сердце, а все одно — подрагивают ко-

¹ Открыл я рот, чтоб выпустить шум боли, и слова огня прошли сквозь меня и взлетели вслед за искрами к брюху старого черного неба.

Алан Мур. Голос Огня.

лени, и под ребрами похолодело, и пальцы вцепились в штанину так, что клещами не оторвать. Он переводил взгляд со старухи на деда и обратно, в любой момент готовый броситься к выходу.

— Ну! — Первым молчание нарушило существо на лавке. — Спрашивай, коли пришел!

Голос был не женский, но и не мужской. Сиплый, естественно низкий, он выходил изо рта, полного длинных желтых зубов, но рождался, похоже, вовсе не в горле, а гораздо глубже. Словно что-то внутри этого обрюзгшего тела лепило слова из голода и безумия, а затем выгалкивало их наружу одно за другим.

— Не волнуйся, спрошу, — сказал дед, прищурившись. — Только как мне тебя называть?

— Кузьмой зови, — прохрипело в ответ. — Кузьма Удушенный я.

— А по чину кто?

— Чин мой невысок, но уж не ниже поручика.

— Хорошо, Кузьма. А откуда ты взялся? Кто тебя посадил?

— Не скажу. — Лицо одержимой исказилось ухмылкой. —

Не скажу! Батюшка-благодетель без имени ехал на повозке, утопленниками да удушенниками запряженной, и меня сюда закинул. А кто его попросил об этом да что взамен отдал — не скажу.

— Давно это случилось?

— Давнехонько, — вздох звучал совсем по-женски, устал и отрешенно. — Много лет минуло. Отдыхал я сперва, отсыпался да отъедался, а теперь скучно мне стало.

— А раньше сидел в ком?

— Сиживал. Все по девкам обычно, но, бывало, и мужичков мне поручали. Однажды даже инок достался. Эх и воевали мы с ним! Тут спокойнее.

— Один ты там?

— Почему один? Нет, у меня тут цельное хозяйство. И собака есть, и кошка, и кукушка. Змея есть.

Прежде чем дед успел что-либо сказать, кликуша заправила голову, широко распахнув рот. Из этой черной ямы послышалось шипение. Негромкое, но отчетливое посреди сплошной тишины. Игнат моргнул от неожиданности, и в этот момент почудилось ему, будто там, между

зубов, и вправду мелькнула треугольная голова гадюки с крохотным раздвоенным языком. Мелькнула — и скрылась тут же, словно устранившись тусклого света. Кликуша захлопнула пасть, снова заулыбалась:

— Нельзя мне уходить, дурак. Нельзя скотину бросать.

— Оно и видно,— пробормотал дед.— Тебя, поди, ни крестом, ни ладаном не вывести?

— А попробуй! — хихикнула тварь под образами.— Попробуй, Ефимушка-мастер! Как знать, может, и получится. Ежели что, так я уйду, но прежде сгубишь ты это тело и душу эту невинную. Она ведь непорочная совсем, жизнь прожила, мужика не отведав. Ей-ей, анафема мне, ежели лгу!

И старуха снова заготала.

— Откуда ты меня знаешь?

— Тебя все знают, Ефимушка-мастер, Ефимушка-расстрига, Иудово семя. Ты у нас — там, внизу,— в большом почете. На железных воротах крюк особый для тебя заготовлен, по сотне железных зубов каждый день на тебя точат. Многих знатных бригадиров и полковников отправил ты обратно в пекло, много нашего брата повычитал. Да только меня тебе не отчитать, ясно?! Я прижился здесь, корни пустил. Я тут хозяин, и любые заклинания твои бесполезны!

— Посмотрим,— сказал дед. Голос его звучал ровно и спокойно, но появилась в нем странная, непривычная нотка.— Игнат, доставай требник.

Требник Петра Могилы являл собой главное сокровище и главное оружие деда. Ухаживать за этой книгой и таскать ее было основной обязанностью Игната. Толстенный том весил немало, и за полгода, что мальчишка провел у старого экзорсита в услужении, он успел свыкнуться с угрюмой тяжестью в заплочном мешке. Время от времени он должен был вытаскивать плотный сверток на свет Божий, разворачивать его, заново завязывать ослабившиеся тесемки, что стягивали расплзающиеся веленевые листы, чистить кожу переплета и медь застежек. Читать он не умел и, хотя дед успел дать ему несколько уроков, научиться не стремился. Разводить костер, ставить силки, варить похлебку и штопать одежду, носить провиант и книги — такая жизнь вполне его устраивала. А мудрость, молитвы и темные тайны пусть осваивают те, кому есть до них охота.

Требник переключал в руки деда. Тот с невозмутимым видом послушав палец, принялся переворачивать страницы в поисках нужной молитвы. Массивный фолиант он держал на весу без всякого усилия, чем снова поразил Игната. При нем книга Могилы пускалась в ход всего дважды, и оба раза бесы цеплялись за своих жертв до последнего, бились и сопротивлялись по часу, а то и более. Но от начала до конца отчитки дед не выпускал требник из рук, бледных и тощих, невесть откуда черпающих силу. Когда он работал, усталость не брала его.

Кликуша вытянула вперед голову, впиалась птичьим взглядом в лицо старика.

— Эвон! Книжицу прихватил! — гортанно выкрикнула она.— У Иисуса не было книжек-то!

— У меня и ученик всего один,— хмыкнул дед, не прекращая листать.

— Не прикидывайся, не лебези перед Ним, не надо. Я ж тебя насквозь вижу, душу твою мертвую, прокопченную, прекрасно разглядел. Ведь не веришь в Иисуса, расстрига?! Лишил Он тебя своей благодати? Ты ж не признаешь Его, когда встретишь!

Игнат прикусил губу. Откуда эта... это создание знает о том, что случилось в Работках? Знает ли? Видело ли оно процессию из белеющих в полумраке фигур, тянущуюся к полуразрушенной церкви на берегу, и обитателя этой церкви, с головой, охваченной пламенем, в котором метались страшные крылатые силуэты? Слышало ли речи того, кто провозгласил себя вернувшимся Спасителем? И почему так упорно именуется оно старика расстригой?

Дед даже бровью не повел. Отыскал нужную страницу, кашлянул, спросил буднично:

— Ну что, Кузьма Удавленник, последний раз спрашиваю: пойдешь добром прочь или упорствовать станешь?

Кликуша ничего не ответила, только оскалила мерзкие свои зубы — то ли в ухмылке, то ли в гримасе. Дед пожал плечами, еще раз откашлялся и принялся громко, нарастающим тоном читать молитву Василия Великого к страждущим от демонов. Слова звучали отчетливо и гулко, наполняли приземистую курную избу торжественностью храма, разгоняя ступившие тени. У Игната дух захватило от кра-

соты этих слов, хоть и не впервой довелось ему их слышать. Голос деда рос, избавился от старческой хрипотцы, развернулся во всю свою мощь. Казалось, еще чуть-чуть — и отзовутся на него святые с почерневших образов.

Но сидевшая под ними кликуша сперва молчала, а спустя несколько минут принялась посмеиваться — громче и громче:

— Щекотно мне! Ой, щекотно! На потуги твои смотреть мочи нет... Иисуса не признал, а мной командовать удумал!

Она зашлась в беззвучном хохоте, по дряблым щекам побежали слезы.

— Ох, Ефим, не смей меня... я ж других разбужу! Так вся деревня из-за тебя закричит. Скоро-скоро-скоро... будет свадьба, будут девки гулять да пиво пить, с пивом и получат. Луна не сменится, а они уж все заголосят. Дождешься!

Дед не обращал внимания на угрозы кликуши. Он перешел к запрещению святого Григория Чудотворца, затем — к молитве от колдовства и действий лукавого. Успокоившись, Игнат прислонился к бревенчатой стене, положил мешок на пол. Никаких сомнений в успехе у него не было, но случай явно выдался сложный. Одержимая не впадала в ярость или в панику, не лаяла и не рычала по-собачьи, она лишь смеялась в ответ на отчетку да время от времени принималась рассказывать о своем нелегком бытге. Их с дедом голоса перемешивались, сливались в общий гвалт, в котором тонуло все величие записанных некогда митрополитом Петром Могилой молитв, следовавших одна за другой.

— Она, несчастная эта, срам свой презирала пуще червей земляных. Трогать себя боялась, но справиться не могла, не умела. Изошла ненавистью к себе, душу наизнанку вывернула, спать ложиться страшилась — сны ее смущали, видения похотливые мучили. Ворота были распахнуты, мне даже стучаться не пришлось... а ты, расстрига, хорошо спишь по ночам? Грехи не подступают, не берут за горло? Не преследует ли тебя, Ефим, запах гари? А? Запах гари?!

Старуха снова захохотала — с особым удовольствием, взвизгивая и прихрюкивая. А дед вздрогнул и замолчал. Зажмурил глаза, стиснул зубы. Игнат, очнувшийся от дремы, с изумлением увидел, как дрожат костлявые пальцы наставника, как течет по его лицу крупными каплями пот.

Мотнув несколько раз бородой, Ефим вновь открыл требник и принялся читать молитву святого Иоанна Златоуста, но в тот же миг кликуша прервала его:

— Ой, опять щекотно! Ты, ненаглядный мой, как помирять соберешься, книжицу эту с собой прихвати! Будешь на железных воротах висеть да нам, добрым господам, почитать из нее. Это зрелище смешнее, чем свинья, торгующая бисером! Смешнее, чем полоз, рассуждающий об ошибках Евы...

Не закончив молитвы, дед захлопнул книгу и, резко повернувшись, шагнул к выходу. Распахнул дверь, сказал Игнату хриплым шепотом:

— Пойдем!

Кликуша замолкла, опустила лохматую голову. Сквозь свисающие на лицо грязные пряди виднелась змеиная ухмылка. Потрясенный, Игнат вышел следом за наставником и только тут понял, что солнце уже висит над горизонтом. В избу они зашли вскоре после полудня. Несколько часов. Отчитка длилась несколько часов и не принесла результата. Дед, ссутулившись сильнее обычного, объяснял что-то столпившимся у крыльца бабам. Руки его все еще дрожали.

Пироги с капустой оказались вкуснее остальных, а потому Игнат налегал на них с особым рвением, чем привел хозяйку в восторг.

— Кушай,— ласково глядя на него, приговаривала она.— Изголодался, поди, по лесам мотаясь?

Игнат кивал, старательно улыбался. Дед сидел напротив и монотонно жевал, погруженный в мрачные раздумья. Хозяйка, дородная и краснощекая женщина, то и дело пыталась разговорить его, но получалось не очень. Хуже, чем пироги. По большей части она болтала сама:

— Кликота на Авдотью напала позапрошлой зимой. Никто не знает, откуда это взялось. Да и почему нам узнать-то... начала, бедняжка, в припадках биться. Потом, как весна наступила, принялась по-волчьему выть, по-звериному, по-птичьему кричать. Бывало, уйдет за околицу, на березку возле старого колодца взберется и сидит, кукует во всю

Мои когти сжимают сердце мальчика, и оно утихает.
Тебе нечего бояться, хороший мой. Тебе больше никогда не будет больно.

Обещаю.

Где-то там, с другой стороны огня, остается маленькая проволочная фигурка, за которой теперь будут присматривать храбрый солдат и неуклюжий крокодил. И мне приятно думать об этом, а еще приятно от того, что теперь в каждой слезинке этой фигурки спрячется воспоминание обо мне — коричневом одеяле с белыми выцветшими пятнами.

Крепче обнимая замолкнувшее сердце, я чувствую, как нас с ним наполняет особенная теплота, для которой у меня впервые не нашлось подходящих слов.

Я понимаю, что больше не могу называть ее молчанием.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Благодарности

Организаторы проекта благодарят за активную помощь и поддержку людей, без которых эта книга никогда не нашла бы своих читателей.

Читательская таргет-группа:

Ирина Дунаева	Анастасия Афолина
Николай Чекмарев	Екатерина Дронова
Андрей Гайосинкас	Светлана Курина
Сергей Никонов	Елена Смоляр
Ольга Ворогушина	Андрей Сидоренко
Екатерина Черкасова	Оксана Андреева
Михаил Сушкин	Иван Третьяк
Ольга Сухина	Вячеслав Чигоревский
Алан Кодзаев	Вера Моргунова
Кирилл Зеленов	Лиза Лобанова
Дмитрий Иванов	Орнелла Такиева
Яна Зверева	Александр Сидоренко
Дарья Андрианова	Евгения Зобнина
Ленар Закиров	Владимир Чистяков
Анфиса Ческидова	Анастасия Асмаловская
Егор Сурикат	Анна Плотникова
Дарья Власова	Владимир Григорьев
Артем Федюкович	

Координатор:

Евгений Михайлов

Автор идеи, организатор:

Парфенов М. С.

Редактор (Астрель-СПб):

Ирина Епифанова

Интернет-ресурсы:

horrorzone.ru — сайт Зона ужасов

darker magazine.ru — вебзин DARKER

darkfiction.ru – Литературное общество «Тьма»
horror-web.net – Империя ужасов Horror Web
vk.com/horrorweb – ТЬМА. Империя ужасов ВКонтакте
komnatasmerti.info – сайт Комната смерти

Официальный сайт проекта «Самая страшная книга»:
horrorbook.ru

Отзывы читателей на книги ССК-серии, изданные в 2015 году:

Об антологии «Хеллоуин»:

«Если ты любишь ужасы и мистику, то не прочитай эту антологию нельзя».

(Paranoia, сайт Фантлаб)

«Потихоньку собираю серию и горжусь русскоязычными авторами – ну можем же, когда по-настоящему хотим!»

(Сухина Ольга, сайт магазина Лабиринт)

«Практически восхитительно составленный сборник разноплановых рассказов. Снимаю шляпу вместе со скальпом, раз уж такая тематика».

(LinaHappyMashroom, сайт Лайвлиб)

«Антология удалась. 9/10. Жду следующую».

(Андрей Миля, сайт магазина Озон)

Об антологии «13 маньяков»:

«После прочтения этого сборника у меня возник вопрос к правоохранительным органам: „А вы не хотите проверить некоторых авторов на причастность к убийствам?“) Именно настолько реалистичны отдельные рассказы. Спасибо составителю, авторам. Жду продолжения!»

(Ирина, сайт магазина Озон)

«Прочитав этот сборник, вы не сможете жить как прежде. Возможно, вы будете спать с включенным светом, будете проверять, заперты ли все окна и двери, бояться ходить по темным улицам».

(Livingsamps, сайт Лайвлиб)

«С опаской отношусь к отечественному триллеру. Все-таки этот жанр у нас пока только-только развивается. И как

же я приятно была удивлена, когда буквально проглотила эту книгу!»

(Сараби, сайт Фантлаб)

«Книга проглочена мною за три дня (могла бы и за день, но мешали бытовые дела), вердикт – must have, то бишь для любителей хоррора к прочтению обязательна».

(Applemice, сайт Зона ужасов)

Об антологии «Самая страшная книга 2015»:

«Не ожидала такого великолепия от российских авторов. Понравились так или иначе все рассказы».

(misssidell, сайт Фантлаб)

«Ярчайший пример жанровой антологии, не побоюсь этих громких слов, не имеющая аналогов в России. Я благодарю авторов и руководителей проекта за отличное чтение, которому я посвятил несколько прекрасных часов».

(Ingvar1969, сайт Лайвлиб)

«Трудно поверить, но этот выпуск оказался намного сильнее даже удачного предыдущего. Честно скажу – не мог оторваться от прочтения».

(BroadwellPronounced, сайт Лайвлиб)

«Это шикарная книга! Нет, не так... вот, чтобы понятно было, – это лучший сборник, который я прочел за последние пять лет! А я много чего прочел, уже поверьте мне! Он стоит потраченных денег, он стоит потраченного времени, он чертовски хорош и даже замечателен, и я, как зомби, жаждущий свежих мозгов, вопию – еееееее! Еееееее!»

(Андрей, сайт магазина Лабиринт)

Книги ССК-серии – номинанты и лауреаты премий «Итоги года» (журнал «Мир фантастики»), «Книга года» (сайт Фантлаб), «Выбор читателей» (сайт Лайвлиб).

В СЕРИИ «ССК» ВЫШЛИ КНИГИ:

«Самая страшная книга 2014», антология

«Самая страшная книга 2015», антология

«13 маньяков», антология

«Хеллоуин», антология

«Самая страшная книга 2016», антология

ВНЕ СЕРИИ «ССК» ВЫШЛИ:*«Темная сторона дороги», антология**«Темная сторона Сети», антология**«Темные», антология***К ИЗДАНИЮ ГОТОВЯТСЯ:¹***Владислав Женеvский. «Запах»**Парфенов. М. С. «Зона ужасов»**Дмитрий Тихонов. «Чертовы пальцы»**«13 ведьм», антология**«Самая страшная книга 2017», антология**«13 монстров», антология*

Любезный Читатель! Книги серии «Самая страшная книга» не залеживаются на прилавках магазинов, а нам, конечно же, хочется, чтобы как можно больше людей познакомились с произведениями наших авторов. Если вы приобщились к ССК-серии не так давно и затрудняетесь найти в продаже предыдущие тома серии, то имейте в виду — электронные версии наших книг можно приобрести в следующих Интернет-магазинах:

Хоррор Шоп — <http://shop.horror-web.net/>

ЛитРес — <http://litres.ru/>

А еще мы ждем вас, Читатель, на нашем официальном сайте <http://horrorbook.ru/> и в социальной сети ВКонтакте по адресу <https://vk.com/club70130663>.

Надеемся, вам с нами будет страшно, жутко и страсть как интересно.

ГОТОВИТСЯ К ИЗДАНИЮ:*Владислав Женеvский. «Запах»*

«Знакомый свист, потрескивание. И коготь царапает ржавое железо. Идол чуть светится в темноте, фосфорным рыжим свечением. Не отрывая от него взгляда, Игорь кое-как раздевает труп. Пока руки рвут засаленную ткань, глаза впитывают

¹ Входит в планы, порядок издания может быть изменен.

каждый миг, каждое движение ломаных ножек — но еще глубже, в бездне чувств, видят все то же прекрасное лицо... Отверстие в центре Идола багровеет, как раскаленный металл.

По телу Игоря проносятся страшные бури, и он боится умереть. Умереть теперь, в шаге от сбывшихся надежд... Легкие сошли с ума, кости дрожат в мясных футлярах. Полный мыслью о ней, он из последних сил берет жертву на руки и опускает перед Идолом. Потом валится сам.

Рыжие волоски местами раздаются, выпуская новые ножки. Когти прилипают к телу и с сосущим звуком вдавливаются в него. Крохотные фонтанчики крови просыпаются тут и там, пока костяные черви буравят мертвую плоть, прорезают ходы и каналы. Труп оседает, как песчаная насыпь.

Игорь смотрит на обряд, прислонившись к зловонному баку. Где-то за его спиной, в баночке из-под йогурта, плавают серебряный крестик.

Бог есть Любовь».

Владислав Женеvский (1984—2015) был одним из наиболее одаренных авторов новой, «темной» волны русской литературы. Авторский сборник «Запах» мы начали готовить к изданию еще до того, как Владислав скончался от рака, теперь же эта книга станет первым собранием сочинений писателя и поэта, которого по таланту и уровню мастерства смело можно поставить в один ряд с классиками жанра.

«Запах» Владислава Женеvского — это безупречный стиль, впитавший в себя весь необъятный опыт макабрической литературы прошлых веков.

Это великолепная эрудиция автора, являвшегося крупнейшим знатоком подобного рода искусства — не только писателем, но и переводчиком, критиком, библиографом.

Это потрясающая атмосфера и незамутненное, чистой воды визионерство.

Это прекрасный, богатый литературный язык, которым описаны порой совершенно жуткие, вызывающие сладостную дрожь образы и явления.

«Запах» Владислава Женеvского – это современная классика weird и horror, которую будет полезно и приятно читать и перечитывать не только поклонникам ужасов и мистики, но и вообще ценителям хорошей Литературы.

Издательство «АСТ», редакция «Астрель-СПб», серия «Самая страшная книга» счастливы и горды представить вниманию взыскательной публики первую авторскую книгу в серии «ССК».

Книгу автора, который ушел от нас слишком рано – чтобы навеки остаться бессмертным в своем творчестве, рядом с такими мэтрами, как Уильям Блейк, Эдгар Аллан По, Говард Филлипс Лавкрафт, Эдогава Рампо, Ганс Гейнц Эверс и Леонид Андреев.

«Запах» – это книга, за которой стоит сходить в магазин, которую стоит поставить на полку в своей домашней библиотеке. Книга, к которой надо прийти.

Содержание

Самая страшная книга. Третий сезон	3
Николай Иванов. Длака	6
Максим Кабир. Багровая луна	23
Дмитрий Костюкевич. В иллюминаторе	43
Михаил Павлов. Работа. Возможно совмещение	63
Александр Подольский. Ненужные	88
Владимир Кузнецов. Тетраграмматон	100
Дмитрий Лазарев. В яме	129
Алексей Провоторов. Мужики	138
Анна Железникова. Канатные плясуны	167
Александр Матюхин. Узор	193
Майк Гелприн, Юлия Черных. Восьмая свадьба	210
Евгений Абрамович. Одни из нас	239
Наталья Алферова. Кудеярова поляна	262
Дмитрий Витер. Ночной пловец	277
Майк Гелприн. Переполнившаяся чаша	289
Елена Щегинина. Закон скримера	311
Алексей Провоторов. Веерное отключение	329
Виктория Кольхалова. Ведьмин ключ	353
Илья Обьедков. Люди	369
Андрей Анисов, Дмитрий Костюкевич. Фиалка	379
Ярослав Землянухин. Дорога на Харбин	408
Александр Подольский. Демьяновы фильмы	431
Дмитрий Тихонов. Гарь	450
Максим Кабир. Африкан	465
Николай Иванов. Одеяло	481
Приложение	505

Литературно-художественное издание

16+

САМАЯ
СТРАШНАЯ
КНИГА

2016

Составитель *Парфенов М. С.*

Ведущий редактор *И. Епифанова*
Художественный редактор *Ю. Межова*
Технический редактор *В. Беляева*
Компьютерная верстка *О. Савельевой*
Корректор *В. Леснова*

ООО «Издательство АСТ»
129085, г. Москва, Звездный бульвар,
д. 21, строение 3, комната 5